
© С.Н. СИНЕГУБОВ, С.П. ШИЛОВ

globus_75@inbox.ru, sshilov@mail.ru

УДК 929: 359 — 051(470) (093.3)

РОССИЙСКИЕ ФЛОТОВОДЦЫ В ОЦЕНКАХ ГЕРМАНСКИХ МОРСКИХ АТТАШЕ (1901-1912 гг.)

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются характеристики российских флотоводцев, которые давали им германские морские атташе в донесениях в Берлин в 1901-1912 гг. В своих оценках они обращали внимание, прежде всего, на профессиональные качества, но отмечали также и важные черты характера. Последнее, по их мнению, влияло на карьерный рост того или иного российского морского офицера. Из немалого числа высших должностных лиц в российском флоте германские атташе особо выделяли «русских немцев», поскольку они, по их мнению, отличались дисциплинированностью и исполнительностью. Помимо этого в посланиях приводятся данные, которые характеризуют общее состояние дел на главных флотах — Балтийском и Черноморском, что позволяло делать заключение о приоритетности их развития в планах российских властей. На основе рассмотренного материала авторы показывают, как сведения германских представителей в Петербурге влияли на формирование политики в отношении России со стороны ведомства А.Тирпица, в том числе и по такому важному вопросу, как заключение морского союза.

SUMMARY. The paper analyses the characteristics of the Russian naval commanders given by the German naval attaches in their reports to Berlin in 1901-1912. While characterizing them the attaches paid attention first of all to their professional features. To their opinion they influenced the promotion of the Russian naval officers. Among a great number of top officials in the Russian fleet the German attaches especially valued “the Russian Germans” as to their mind they were particularly industrious and disciplined. In addition, the messages are the data that characterize the general state of affairs in the main fleet — the Baltic and the Black Sea, which allowed making up the conclusions about the priority of their development plans of the Russian authorities. Taking into consideration the research materials the authors show the influence they had on forming the policy of A. Tirpitz’ Naval Ministry to Russia including such an important issue as making a naval alliance.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Германские морские атташе, российские адмиралы, российский флот, военно-морское ведомство А.Тирпица, морской союз, военно-морское соперничество.

KEY WORDS. German naval attaches, Russian admirals, Russian fleet, A. Tirpitz’ Naval Ministry, naval alliance, naval rivalry.

Проблема немецкого военно-морского строительства в начале XX в. и связанное с этим общее обострение международных отношений ввиду начавшейся гонки вооружений на море в исторической науке чаще всего рассматривается в аспекте германо-английского флотского соперничества. Этому есть вполне понятное объяснение. Морской антагонизм между двумя державами стал одним

из катализаторов развязывания Первой мировой войны. Данная тема, несмотря на достаточно солидную историографию, сформировавшуюся за 90-летний период [1], по-прежнему продолжает привлекать внимание исследователей. Свидетельством тому могут служить работы, появившиеся уже в XXI столетии [2].

Вместе с тем морская проблематика начала XX в. не исчерпывается только трудностями взаимопонимания между Берлином и Лондоном по вопросам темпов сооружения боевых кораблей. На ее превращение в глобальный острейший вопрос влияли и другие факторы, которые в силу разных причин не получили достаточного освещения в трудах историков. В частности, речь идет о развитии отношений между кайзеровской Германией и Россией в военно-морской области. От характера их направленности в определенной степени зависел успех в достижении стратегической цели германского флотского строительства. Эта цель была сформулирована военно-морским статс-секретарем А. Тирпицем в конце XIX в. и сводилась к тому, чтобы добиться соотношения немецкого и английского флотов в пропорции 2:3. Только тогда, по убеждению морского министра, у Германии появлялся реальный шанс добиться победы над «морской владычицей мира» в случае начала войны [3]. Поэтому из «великих морских держав» Европы отношения с Россией приобретали для Германии особое значение. Они могли строиться в трех возможных плоскостях: враждебной, нейтральной и союзнической [4].

Если говорить о военных германских планах относительно России, то можно констатировать, что с начала 70-х до конца 90-х гг. XIX в. они были в центре внимания, в первую очередь, стратегов кайзеровского Адмиралтейства [2; 50-54]. Некоторые из них становились известными в подробностях российской стороне. Так, например, в октябре 1888 г. Главный морской штаб России располагал протоколом секретного заседания Комиссии по обороне Германии, составленным 27 мая 1882 года. В ходе обсуждения, в котором приняли участие такие высокопоставленные чины немецких вооруженных сил, как Х. Мольтке, А. Штош, К. Блюменталь, Л. Каприви и некоторые другие, был принят важный в военном отношении документ. В нем были отражены планы ведения боевых действий против русских не только на суше, но и на море [5].

Впрочем, возможность войны Германии против России и ее союзницы Франции в тот период была настолько большой, что обсуждение вопроса соотношения сил на море в предстоящем противостоянии проходило как тайно, так и публично. В 1890 г. в одном из немецких изданий, специализировавшихся на военной тематике [6], была опубликована статья, отражавшая дух того времени. В ней разбирались различные варианты морской войны между Россией и Францией с одной стороны и Тройственным союзом во главе с вильгельмовской Германией, с другой. Причем при благоприятном раскладе сил победа «тевтонцев» не считалась каким-то фантастическим результатом [6; 10].

С приходом А. Тирпица в 1897 г. в военно-морское ведомство в качестве статс-секретаря подход к «русскому вопросу» был скорректирован. В связи с тем, что в Германии стала реализовываться в начале первая, а затем и вторая флотская программы у фатерланда появился новый реально опасный соперник — Великобритания [7]. При таком положении дел, да еще с учетом активных

внешнеполитических действий официального Берлина, Германия нуждалась в новых европейских союзниках. В качестве такового рассматривалась и Россия. Этот вопрос являлся предметом многочисленных и очень обстоятельных обсуждений политиков и военных на протяжении практически всех первых четырнадцати лет десятилетия XX в. [4; 35-39, 67-77, 80-89]. Выбор в пользу России как сателлита или противника, или же нейтрального государства, определялся многими факторами. При этом не вызывает никакого сомнения то, что в расчет прежде всего бралась оценка состояния вооруженных сил и их ресурс для совершения, потенциал российского генералитета.

Для выстраивания «правильной», как это понимали в Берлине, общей военно-политической стратегической линии в отношении России требовалась максимально полная информация не только о сухопутной армии, но и флоте. Германское военно-морское руководство интересовало абсолютно все: система управления российского флота, количество и типы боевых кораблей, степень обученности экипажей, уровень подготовки старших морских офицеров, их личностные и профессиональные качества, перемещения по военной карьерной лестнице. Сведениям об адмиральском составе придавалось особое значение. Они позволяли характеризовать не только элиту российских военно-морских сил в целом, ее способности действовать в различных тактических и стратегических условиях, но и определять приоритеты политики российского правительства, на «балансе» которого было сразу несколько флотов.

Одними из главных «добытчиков» интересующей информации были военно-морские атташе. Они по своему статусу имели право личного доклада императору, и нередко донесения из Петербурга вначале поступали к кайзеру и только лишь потом в профильное ведомство. Среди «дипломатов на морском поприще» особо выделялся П. Гинце, в меньшей степени — В. Кейзерлинг и Р. Фишер-Лоссайнен. Гинце занимал пост военно-морского атташе с 1903 по 1908 гг., а затем являлся германским военным представителем при царском дворе в 1908-1911 гг. [4; 80]. В исторической литературе существует даже определенный спор относительно степени его влияния на Вильгельма II и Тирпица, но то что это воздействие оказывалось не вызывает никакого сомнения. Впрочем и предшественников, и приемников Гинце в лице Кейзерлинга и Фишер-Лоссайнена тоже нельзя назвать исключительно «чистыми информаторами».

В донесениях германских военно-морских атташе, которые они отправляли из Петербурга в Берлин в период 1901-1912 гг., можно найти значимые для ведомства Тирпица и штаба Адмиралтейства характеристики отдельных старших морских офицеров, анализ состояния Балтийского и Черноморского флотов. Так в депеше, датированной 26 января 1901 г., отмечаются новые перемещения, произведенные на Черноморском флоте. В частности, указывается, что контр-адмирал Ениш вследствие повышения занял должность начальника штаба в Севастополе, а вице-адмирал Я.А. Гильтебрант был назначен старшим флагманом Черноморской Флотской дивизии [8]. Указанные перестановки, как отмечалось в донесении, никак не способствовали усилению кадрового состава Черноморского флота, который на тот период времени невысоко оценивался в российских военно-морских кругах. Лишним доказательством тому считалось новое назначение Гильтебранта. Мнение о нем известного русского вице-адмирала Е.И. Алексеева, лично хорошо знавшего многих командиров, служив-

ших на боевых черноморских кораблях, было нелестным. Последний считал его «малоспособным к руководству флотом офицером» [9], о чем свидетельствовало и быстрое перемещение Гильтебранта из Восточной Азии вначале на Балтийский флот, а затем также быстро на Черноморский, который стал для него по существу местом, где он мог «меньше всего принести вред» [9].

В донесениях 1901-1903 гг. очень положительно характеризуется контр-адмирал З.П. Рожественский. За период службы на флоте с 1865 по 1901 гг. он сумел добиться многого. Немецкие наблюдатели отмечали его особую профессиональную активность, известность и определенную популярность не только во флотских, но и в политических кругах. Последнее обстоятельство, как известно, является значимым в карьерном росте. Относительно этого российского морского офицера делается предположение, что в ближайшем будущем «он вообще может стать руководителем русского флота» [9]. В качестве обоснований такого утверждения приводится несколько аргументов. Так, например, делается ссылка на то, что в 1901 г., командуя учебными боевыми стрельбами, проходившими в сложных погодных условиях, Рожественский добился высоких результатов. Успешность этих практических занятий была отмечена военно-морским министром [10].

Другим, не менее значимым, фактором, способствовавшим ускоренному продвижению Рожественского по служебной лестнице, считалась его фронда по отношению к вице-адмиралу С.О. Макарову. Последнего, как полагали в Берлине, не любила большая часть старого российского офицерского морского корпуса. Эти настроения помогали Рожественскому быть «своеобразной альтернативой», безусловно, талантливому флотоводцу Макарову.

Наряду с Рожественским высокой оценки у германских экспертов заслужил и конт-адмирал Ениш. В донесениях с нескрываемой гордостью говорится, что этот офицер привлекает к себе внимание не только своими деловыми качествами, но и внешним видом: «Все в нем подчеркивает настоящего немца». Как вывод из этой характеристики следует заключение, что Ениш «очень перспективный морской офицер» [11].

Однако далеко не все высшие российские морские чины получали такие благожелательные оценки германских аналитиков. Так, например, в донесении военно-морского атташе от 14 июля 1905 г. приводится краткая характеристика первого официального морского министра России А.А. Бирилёва. В ней в частности приводятся такие слова: «Вице-адмирал Бирилёв активный, внешне деятельный человек, много говорящий, правда, не всегда понятно что» [12]. Следует отметить, что такое нелицеприятное определение делалось со слов другого российского вице-адмирала Ф.К. Авелана. Он, как известно, с 1903 г. по июнь 1905 г. занимал высокую государственную должность — управляющий Морским министерством и вице-председатель Адмиралтейств-совета, то есть по существу являлся неофициальным морским министром. Этот пост он вынужден был покинуть после трагических событий в Цусимском проливе в мае 1905 г. Поэтому имелись основания полагать, что когда Авелан делился своими мыслями с германским военно-морским атташе относительно личности Бирилёва и его способностей руководить флотом, в нем говорило чувство ревности.

Впрочем, это эмоциональное состояние Авелана немцы учитывали в полной мере, отдавая при этом должное его профессионализму, наблюдательности

и умению разбираться в людях, служивших на флоте. Вместе с тем последующая история подтвердила правоту такой характеристики отставного вице-адмирала. Известно, что реформа первого российского морского министра, охватившая многие сферы флотской политики — от прохождения службы до изменения программы судостроения — носила неполный характер и не имела строго продуманного плана. В значительной степени это определялось деловыми и человеческими качествами Бирилёва.

При сборе данных о состоянии российского флота немцы уделяли внимание не только сведениям, касающимся офицерского корпуса. Их серьезно интересовали настроения в матросской среде, волевой дух экипажей, их боевая выучка, взаимоотношения между офицерами и рядовыми служащими. Это являлось составной частью аналитической работы по определению степени боеготовности российских военно-морских сил. Например, в одной из бесед германского атташе Гинце с адмиралом Г.П. Чухниным выяснилось отношение этого высокопоставленного морского офицера к рядовому составу. Он, по словам Гинце, «оценивая мысли и чувства русских матросов, называл их не иначе как «дикарями» и для преодоления такого состояния, по его глубокому убеждению, потребуется много усилий и времени» [13]. Правда, в качестве главных методов искоренения «дикости» Чухнин считал «повсеместное применение не только жесткости, но и мудрости» [13].

«Критическая настроенность» к низшим чинам была характерна не только со стороны отдельных адмиралов российского флота. Германский военно-морской атташе Гинце склонен был обобщать подобное отношение. По его мнению, оно являлось характерным для достаточно большого числа офицеров. Именно это дало ему основание утверждать в апреле 1906 г., что «офицеры черноморского флота не уверены в своих подчиненных» [13]. Отсюда следовал вывод о том, что боеспособность российских военно-морских сил на Черном море является низкой.

В донесении, датированном 11 апреля 1906 г., Гинце приводит сведения о контр-адмирале П.В. Римском-Корсакове. Последний был назначен одним из помощников морского министра Бирилёва. В его ведении оказалась сфера управления и технические вопросы развития российского флота. Как отмечает германский атташе, ранее Римскому-Корсакову не приходилось заниматься подобными серьезными и ответственными делами, потому вполне объяснимо скептическое отношение в офицерских кругах по поводу этого назначения. Из беседы с новым помощником российского морского министра Гинце вынес убеждение, что Римский-Корсаков не является «какой-то выдающейся личностью». Вместе с тем он, по мнению германского представителя, «резво думающий и работоспособный человек». И хотя от него не следует ожидать чего-либо сверхординарного, однако, если он войдет в новую для него сферу, освоится в ней, то вполне сможет честно и добросовестно исполнять принятые на себя обязанности» [14].

Гинце, говоря о новом назначении контр-адмирала Римского-Корсакова, попутно затрагивает такую важную для министерства Тирпица и Штаба адмиралтейства тему, как деятельность российского Генерального штаба военно-морских сил. Он отмечает, что «данная структура управления в ее нынешнем состоянии не может решать целый ряд стратегически значимых задач». К их

числу относятся такие, как полноценное изучение потенциально вражеских флотов, анализ возможно будущих театров боевых действий, проведение эффективных учебно-тренировочных маневров, подготовка морских операций, проведение быстрой мобилизационной кампании и многое другое [14].

Среди причин, предопределявших на тот момент низкую эффективность работы российского Генерального штаба флота, атташе называет малую численность штабистов, их невысокую зарплату. Последнее обстоятельство заставляло офицеров искать работу «на стороне», что отрицательно сказывалось на результатах их деятельности на основном поприще. Наконец, Гинце указывает на недостатки в руководстве Бирилёва. Он, как пишет немецкий эксперт, свою неэффективную работу компенсирует многочисленными и продолжительными по времени инспекциями и бесконечными речами». Гинце соглашается с мнением своего соотечественника адмирала фон Зендена, называвшего Бирилёва «болтуном» [14].

Оценив личные и деловые качества российского морского министра и его помощника Римского-Корсакова, германский атташе приходит к выводу, что между этими двумя высокопоставленными морскими чинами неизбежно будут происходить трения, а это в конечном результате негативно скажется на всем управлении российским флотом и его боеспособности.

В завершении своего донесения Гинце останавливается на личности заместителя начальника Главного штаба, контр-адмирала А.А. Виренеуса. Он характеризует его как «человека доброжелательного, но очень возбудимого и нерешительного». На фоне не совсем «симпатичных», с точки зрения качеств морских офицеров, Бирилёва и Виренеуса очень выигрышной фигурой выступает старший лейтенант Стенгер. Казалось бы, не очень большой офицерский чин, но этот человек привлекает внимание Гинце. Думается, что в этом деле значимую роль сыграли два обстоятельства. Во-первых, Стенгер являлся непосредственным исполнителем многих ответственных штабных поручений. Во-вторых, он был что называется «чистокровным немцем». Поэтому Гинце с особым удовлетворением отмечает его особую «дисциплинированность, педантичность и надежность» в несении службы.

В донесении, отправленном из Петербурга в Берлин 27 октября 1907 г., германский военно-морской атташе упоминает о контр-адмирале Р.Н. Вирене. На тот период времени он занимал должность уполномоченного делами главнокомандующего Черноморским флотом и временно исполнял обязанности генерал-губернатора Севастополя. В его жилах по отцовской линии текла шведская кровь, а по материнской — немецкая. На флоте он пользовался большим авторитетом. Вирен находился на подъеме служебной карьеры. В 1907 г. ему было полных 50 лет. За плечами уже имелся немалый опыт службы на флоте. В то же время силы и здоровье позволяли ему надеяться на дальнейшие продвижения. Предпосылки личного плана для этого было достаточно. Его считали энергичным морским офицером, имеющим репутацию порядочного, глубоко верующего человека (Вирен являлся лютеранином). Из деловых качеств окружающие его люди особо выделяли высокую требовательность к себе и подчиненным. По мнению Гинце, «таких людей в России сейчас можно встретить крайне редко» [15].

Далее германский морской эксперт делает следующее умозаключение: «Ему (Вирену) предначертано большое влияние на будущее российского флота, если он не поддастся воздействию инертности сотрудников, которым не нравятся такие руководители, как Вирен. Подобное противостояние характерно для всех стран. Россия в этом отношении не является исключением» [15]. Гинце, как он считал, нисколько не преувеличивал опасность победы «косности и равнодушия над энергией и целеустремленностью адмирала». Атташе отмечал, что у Вирена «крепкие нервы, но и они не выдерживают пассивного сопротивления и ударов из-за угла» [15]. «Большой любитель физических нагрузок этот деятельный человек, — далее пишет он, — вынужден заниматься с утра до вечера презренными и ненавистными ему бумагами, вместо того, чтобы проводить время на военных занятиях» [15].

Именно недостаточное внимание и забота руководителей российского флота к практическим учебным боевым тренировкам экипажей по причине инертности, по убеждению адмирала, стали одной из причин поражения России в морской войне против Японии. Поэтому ситуацию нужно в корне менять, чтобы вновь не оказаться разбитыми в будущей войне. Рассуждения Вирена о состоянии военно-морских сил, а также наличие заметных революционных настроений среди матросов в очередной раз убедили Гинце в мысли, что боеготовность черноморского флота находится на низком уровне.

В депеше, датированной 19 июля 1910 г., атташе вновь обращается к характеристике начальствующего состава российского флота. На этот раз в поле его зрения попало сразу несколько высших морских офицеров. Вначале он ведет речь о 52-летнем вице-адмирале И.Ф. Бостреме, который занимал должности главного командира Севастопольского порта и военного губернатора Севастополя, а затем начальника Николаевских судостроительных заводов. До этого Бострем был командующим Черноморского флота. Немецкий представитель считает его очень активным, правда «несколько неуравновешенным человеком». К отличительным чертам Бострема Гинце также относит его исключительную честность и порядочность. В высоких правительственных кругах адмирал имеет хорошую репутацию и, как полагал Гинце, «его кандидатуру даже рассматривают в качестве одного из претендентов на министерский пост» [16]. Такая вероятность объяснялась еще и тем обстоятельством, что в 1907-1908 гг. он занимал посты заместителя морского министра и вице-председателя Адмиралтейств-совета. Во внешнеполитических «пристрастиях» Бострема считали англофилом и германофобом. Правда, по замечанию Гинце, последнее было все-таки большим преувеличением, хотя элементы неприязни к Германии в его высказываниях отмечали многие.

Вице-адмирала В.С. Сарновского, главнокомандующего Черноморским флотом германский атташе называет человеком доброжелательным, приятным в общении. Что же касается профессиональных качеств, то здесь Гинце не может дать однозначную оценку. Он пишет, что Сарновский как профессиональный морской офицер вырос на Черноморском флоте. На разных должностях, которые ему пришлось занимать, он показал себя человеком, хорошо знающим порученное ему дело. Особенно это касалось командования боевым кораблем. Вместе с тем, по словам Гинце, как главнокомандующий Черноморским флотом, Сарновский не произвел на него сильного впечатления [16]. Во всяком случае,

немецкий представитель не увидел в нем таких качеств необходимых для руководителя столь высокого ранга, как требовательность и решительность.

Собирая информацию о том и ли ином высшем чине российского флота Гинце, конечно же, опирался на суждения и мнения окружающих этого человека людей. При этом атташе стремился не оказаться полностью под влиянием этих оценок, а сформировать собственное отношение к «субъекту своего внимания». Например, 53-летний контр-адмирал барон Нолькен имел достаточно высокую репутацию в офицерской среде. Его как командира учебной эскадры даже прочили на пост командующего Черноморским флотом. Казалось бы, это говорит о высоких профессиональных качествах Нолькена. Однако Гинце не разделял подобного «общественного убеждения». По его мнению, Нолькен не заслуживает высокой оценки грамотного морского офицера. В числе характеристик, употребляемых Гинце по отношению к нему звучат такие, как «педант без большого кругозора», «очень много разглагольствует» [16]. Далее он поясняет, что указанные недостатки Нольке следуют из того, что он лифляндский немец с «добавлением славянского самодовольства».

Но все-таки не всех русских старших офицеров Гинце считает обладателями «славянских изъянов». Например, начальник штаба в Севастополе контр-адмирал Новицкий вполне «интеллигентный, работоспособный руководитель, очень дельный офицер» [16]. Капитан I-го ранга Покровский, командир флагманского корабля Черноморского флота произвел на Гинце также благоприятное впечатление «энергичного офицера, профессионала хорошего уровня». «Должно быть, он очень хороший командир» — заключает атташе. А вот сослуживец Покровского, капитан I-го ранга Данилевский, по словам немца, «профессионально обученный офицер, но резкий в высказываниях, нервный и жесткий в обращении с подчиненными» [16]. С такими качествами, считает Гинце, «маловероятно, что он займет более высокое положение» [16].

В 1911 г. Бострем был вновь назначен командующим Черноморским флотом, однако после того как два российских корабля сели на мель у берегов Румынии он вынужден был уйти в отставку. Вместо него эту должность занял вице-адмирал А.А. Эбергард. Германский морской атташе Кейзерлинг тут же отправил депешу в Берлин, в которой дал краткую оценку новому главнокомандующему. 55-летнего Эбергарда он характеризовал как хорошо подготовленного по теории морского дела офицера [17]. Вместе с тем, Кейзерлинг подчеркивает, что на практике этот российский адмирал прежде ничем себя особо не проявил. В начале войны с Японией он был командиром линейного корабля «Цесаревич». В последующем он руководил морской кадетской эскадрой, а затем занимался штабной работой. Поэтому, как полагал Кейзерлинг, трудно прогнозировать насколько успешной будет деятельность Эбергарда на новой должности, где для поддержания высокой боеготовности флота нужно много заниматься учебно-тренировочной работой [17].

Как видно из приведенных данных, германские военно-морские атташе по-разному оценивали деловые и человеческие качества российских старших морских офицеров, ими отмечалось отсутствие инициативы у российского морского офицерства. Причина столь серьезного недостатка заключалась в «огромном количестве приказов и предписаний, которые регламентировали деятельность командира любого ранга». В этом отношении ситуация в германском флоте

была иной. Известно, что в годы Первой мировой войны германские морские офицеры выгодно отличались от своих коллег-англичан, считавшимися непревзойденными моряками, именно нестандартностью действий и инициативностью [18]. А эти качества немцы стали культивировать еще со времен «сухопутного вице-адмирала» Каприви, занимавшего пост руководителя Адмиралтейства в 1883-1890 гг. [19]. Поэтому российский недостаток сразу бросался в глаза немцам.

Строгая регламентация действий русских морских офицеров и жесткое наказание за неисполнение предписаний и инструкций вырабатывали у них, как считали германские атташе, формализованный подход к службе — что положено, то делали, а что не предписывалось бумагами, то об этом даже не задумывались [5; 14]. Недостаток инициативы порождал у командиров, по убеждению немцев, недоверие к подчиненным [20]. Офицеры обязаны были досконально проверять исполнение отданных ими приказов, чтобы «не вышло чего непредвиденного». Как отмечали германские военно-морские атташе, этот дух мелочности и опеки приветствуется и ценится в российском флоте, что отрицательным образом сказывается на боевой подготовке матросов и офицеров.

При всей внешней строгости и продуманности флотской службы российские командиры, по мнению немцев, не проводят планомерной и систематической тренировочной работы, поскольку «они вообще не способны к этому» [20]. Русские никогда не создавали собственных фундаментальных морских теорий, а перенимали уже готовые зарубежные разработки. В качестве доказательства этого тезиса приводится факт принятия и воплощения в жизнь с начала 90-х гг. XIX в. в российском флоте идей французской морской «молодой школы» — *Jeune Ecole* адмирала Т. Оба. Она, как известно, пропагандировала преимущества крейсеров в морской войне [21]. Правда, русско-японская война показала несостоятельность французских наработок, но это стало совершенно очевидным после сокрушительного поражения российского флота на Дальнем Востоке. Немцы, напротив, значительно раньше преодолели дух «крейсерской школы» и благодаря усилиям Тирпица уже с конца 90-х гг. XIX в. выбрали «правильный путь» развития флота.

По убеждению германских атташе, в российских военно-морских силах имеется очень мало хорошо подготовленных, нестандартно мыслящих офицеров. Недостаток профессионализма они компенсируют строгостью и даже диктатом. Другим недостатком русских командиров немцы считали излишнее теоретизирование в области тактики. Причина этого «феномена» заключается в существующих климатических ограничениях для постоянного судоходства, в частности на севере и северо-западе России.

Безусловно, немалую роль в истоках «особенной русской морской теории» играла недостаточное финансирование флота. Наконец, немцы не могли не затронуть и такой «специфической» черты русского характера, которой у них как людей практичных не было — фантазирование. Оно, несомненно, негативно влияло на занятия морским делом. В результате нарисованной германскими представителями картины получалось, что в российском флоте мало результативной учебной работы. Она заменяется больше всякими адмиральскими рассуждениями. Как итог все этого — невысокая боеготовность. Потому у Герма-

нии, с военно-морской точки зрения, не имеется оснований быть заинтересованной в союзе с Россией.

Нет никаких сомнений в том, что немалую лепту в окончательную отрицательную оценку союзнического потенциала России внесли и военно-морские атташе. Понятно, что глава германского морского ведомства Тирпиц с самого начала провозглашения своей флотской программы стремился придерживаться того, что пока Германия проходит так называемую «зону риска» крайне опасно заключение каких-либо союзов, поскольку велика вероятность спровоцировать Великобританию на преждевременную морскую войну. Донесения военно-морских атташе из Петербурга лишний раз убеждали Тирпица в правильности выбранной им тактики избегания союзов, да еще с такой несильной морской державой как Россия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Tirpitz, A. Erinnerungen. Leipzig, 1919; Tirpitz, A. Politische Dokumente. Bd. 1-2. Stuttgart, 1924-1926; Tirpitz, A. Über den strategisch-taktischen Ursprung der Flottengesetze // Nauticus. 1926. Jhrg. 28. S. 185-202; Churchill, W. S. First Lord of the Admiralty 1911 to 1915. London, 1923; Churchill, W. S. The world crisis 1911-1918. Vol. 1. London, 1938.
2. Skagerraksschlacht. Vorgeschichte — Ereignis — Verarbeitung». München, 2009; Синегубов С.Н. Упорство против силы: германо-английское морское противостояние в 1900-1914 гг. Тюмень, 2010.
3. Bundesarchiv-Militärarchiv. Reichsmarineamt. Freiburg. (Федеральный Военный архив. Военно-морское ведомство. г. Фрайбург, далее — ВА-МА. RM). RM 3/6657, AB 214-220. Auszüge aus dem Entwurf einer Aufzeichnung aus der Etabsteilung des Reichsmarineamts vom Februar 1900. «Die Sicherung Deutschland gegen einen englischen Angriff» // Berghahn, V.R. Deist W. Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. Grundlegende Dokumente 1890-1914. Düsseldorf, 1988. S. 128.
4. Шилов С.П. Кайзеровский военно-морской флот и Россия: от идеи германо-русского союза к конфронтации в 1897-1914 гг. Тюмень, 2004.
5. Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 446. Л. 37-40.
6. О деятельности флотов Франции и России в случае войны против Тройственного союза. Морская хроника // Морской сборник. 1890. № 6. С. 1-11.
7. Синегубов С.Н. Синдром «военной угрозы» как постоянный фактор германо-английских отношений 1904-1911 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/1 (64/1). С. 202-210.
8. ВА-МА. RM 3/2843. Marineattache für nordischen Reichen. 20.01.1901.
9. ВА-МА. RM 3/2843. Marineattache für nordischen Reichen. 20.01.1901.
10. ВА-МА. RM 5/885. Hintze an Kaiser. 09.04.1903.
11. ВА-МА. RM 3/2843. Marineattache für nordischen Reichen. 20.01.1901.
12. ВА-МА. RM 3/2850. Marineattache für nordischen Reichen. 14.07.1905.
13. ВА-МА. RM 5/1505. Hintze an Kaiser. 11.04.1906.
14. ВА-МА. RM 3/2851. Hintze an Kaiser. 29. 08.1906.
15. ВА-МА. RM 5/1505. Hintze an Kaiser. 27.10.1907.
16. ВА-МА. RM 3/2855. Hintze an Kaiser. 19.06.1910.
17. ВА-МА. RM 3/2856. Keyserling an Tirpitz. 31.10.1911.
18. Bennett, G. Skagerraksschlacht. München, 1976. S. 99, 140 ff.
19. Güth, R. Von Revolution zu Revolution — Entwicklungen und Führungsprobleme der deutschen Marine 1848-1918. Herford, 1978. S. 81 ff.
20. ВА-МА. RM 3/2856. Fischer-Loßbeinen an Tirpitz. 01.04.1912.

21. История военно-морского искусства. Т. 3. Военно-морское искусство эпохи империализма. М., 1953. С. 13-14; Доценко В.Д. История военно-морского искусства. Т.1. Вооружения и теория. М., 2005. С. 578.

REFERENCES

1. Tirpitz, A. Erinnerungen. Leipzig, 1919; Tirpitz, A. Politische Dokumente. Bd. 1-2. Stuttgart, 1924-1926; Tirpitz, A. Über den strategisch-taktischen Ursprung der Flottengesetze // Nauticus. 1926. Jhrg. 28. S. 185-202; Churchill, W. S. First Lord of the Admiralty 1911 to 1915. London, 1923; Churchill, W. S. The world crisis 1911-1918. Vol. 1. London, 1938.
2. Skagerrakschlacht. Vorgeschichte — Ereignis — Verarbeitung». München, 2009; Sinegubov, S.N. *Uporstvo protiv sily: germano-anglijskoe morskoe protivostojanie v 1900-1914 gg.* [Persistence against strength: German-British naval confrontation in 1900-1914^s]. Tyumen, 2010 (in Russian).
3. Bundesarchiv-Militärarchiv. Reichsmarineamt. Freiburg. (Federal Military Archive. Naval Office. Freiburg, then — BA-MA. RM) 3/6657, AB 214-220. Auszüge aus dem Entwurf einer Aufzeichnung aus der Etatabteilung des Reichsmarineamts vom Februar 1900. «Die Sicherung Deutschland gegen einen englischen Angriff» // Berghahn, V.R. Deist W. Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. Grundlegende Dokumente 1890-1914. Düsseldorf, 1988. S. 128.
4. Shilov, S.P. *Kajzerovskij voenno-morskoj flot i Rossija: ot idei germano-russkogo sojuza k konfrontacii v 1897-1914 gg.* [Kaiser's navy and Russia: from the idea of the German-Russian alliance to confrontation in 1897-1914^s]. Tyumen, 2004 (in Russian).
5. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv voenno-morskogo flota (RGA VMF)* [Russian State Naval Archives (RSNA)]. F. 417. Op. 1. D. 446. L. 37-40 (in Russian).
6. The activities of the fleets of France and Russia in the event of war against the Triple Alliance. *Morskoy sbornik — Naval Collection*. 1890. № 6. P. 1-11 (in Russian).
7. Sinegubov, S.N. Syndrome of «military threat» as a constant factor of the German-British relations 1904-1911s. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta — Izvestia of Altai State University*. 2009. № 4/1 (64/1). P. 202-210 (in Russian).
8. BA-MA. RM 3/2843. Marineattache für nordischen Reichen. 20.01.1901.
9. BA-MA. RM 3/2843. Marineattache für nordischen Reichen. 20.01.1901.
10. BA-MA. RM 5/885. Hintze an Kaiser. 09.04.1903.
11. BA-MA. RM 3/2843. Marineattache für nordischen Reichen. 20.01.1901.
12. BA-MA. RM 3/2850. Marineattache für nordischen Reichen. 14.07.1905.
13. BA-MA. RM 5/1505. Hintze an Kaiser. 11.04.1906.
14. BA-MA. RM 3/2851. Hintze an Kaiser. 29.08.1906.
15. BA-MA. RM 5/1505. Hintze an Kaiser. 27.10.1907.
16. BA-MA. RM 3/2855. Hintze an Kaiser. 19.06.1910.
17. BA-MA. RM 3/2856. Keyserling an Tirpitz. 31.10.1911.
18. Bennett, G. Skagerrkschlacht. München, 1976. S. 99, 140 ff.
19. Güth, R. Von Revolution zu Revolution — Entwicklungen und Führungsprobleme der deutschen Marine 1848-1918. Herford, 1978. S. 81 ff.
20. BA-MA. RM 3/2856. Fischer-Loßbeinen an Tirpitz. 01.04. 1912.
21. *Istorija voenno-morskogo iskusstva* [The history of the naval art]. V. 3. The naval art of the imperialism age. М., 1953. P. 13-14; Docenko, V.D. *Istorija voenno-morskogo iskusstva* [The history of the naval art]. V. 1. Arming and theory. М., 2005. P. 578 (in Russian).